Со двора послышался истошный крик Пашки. Мама опрометью кинулась к выходу, распахнула дверь из сеней. Орал теперь папка:

— Вора, мать, вырастили! Дядю Мишу обворовал!

Папка был в ярости, и я боялась выйти вслед за мамой на крыльцо, слушала перепалку через открытую дверь.

— Не подходи,— рычал отец уже на маму, потрясая солдатским ремнём.— Ему — раз, тебе — два. Ишь, повадился с пацанами воровать от магазина фанерные ящики. Вояка. С немцами, говоришь, воевать собрались? — это он уже к Пашке обращался.— С деревянными мечами и фанерными щитами? Их, гадов, автоматами да пулемётами не прошибёшь... Вот пойдёшь в армию, узнаешь, как и чем с врагами воевать надо! А ты фронтовика дядю Мишу ограбил, он, инвалид, за каждый ящик отчитывается перед магазином. Знай, мелкий воришка, и запомни раз и навсегда: в нашей родове воров не было и не будет! Ещё раз узнаю — сам задавлю!

Папка, дрожащий от гнева, хватил об колено самодельный щит, а заодно и деревянный меч, швырнул хлам на дрова к железной печурке. Свернул солдатский ремень в рулон, бросил недобрый взгляд на сына. Проходя мимо меня, так сверкнул глазищами, что я сжалась от страха. Чего боялась — не знаю, ни разу в детстве папка даже по заднице не шлёпнул ни меня, ни сестрёнку.

Мама едва сдерживала слёзы, и я не стала приставать к ней с расспросами. Только потом стала понятной вся эта загадочная для меня история.

...Небольшой продуктовый магазин у нас в посёлке был местом обмена слухами: купив с утра необходимые для семьи продукты, бабы не расходились по домам, а, выйдя из магазина, устраивались на крыльце и на завалинке и обсуждали последние новости. И то, что Пашке нашему вчера за воровство от папки влетело по первое число, уже разнеслось по всей Брянке.

— Пашка-то у них громкодырый, орал блажным матом, будто его живьём резали,— сообщала всезнающая соседка тётя Вера Юртаева, видимо, наблюдавшая за происходящим со своего крыльца.— Филипп ещё только ремень из штанов выдернул, а пацан уже взвыл. Всего-то пару раз и жиганул его по спине, но тут мать с криком выскочила из избы...

— Да, повадились парнишки за ящиками, а дядя Миша на одной ноге разве догонит этих паршивцев? — участливо кивали бабы.

Дядя Миша Муравьёв — фронтовик, вернулся с войны на одной ноге, вместо второй — костыль от колена. И правую руку по локоть ему тоже в госпитале отрезали... Говорили в посёлке, что дядя Миша был танкистом, дважды горел в танке, дошёл до Праги и вернулся домой инвалидом, обвешанным медалями, и с густой рыжей бородой, которая скрывала шрамы от ожогов. Какой работник из инвалида? Устроили бывшего танкиста сторожем в магазин. Мне он так и запомнился — в тулупе овчинном и с берданкой на плече. А ещё помню, как он на пионерском сборе в школе, багровея и запинаясь, рассказывал про то, как воевал, какие мужики с ним в танке горели, как уже в Чехословакии про Победу узнали... Был он в мятом пиджачишке и в брюках с обрезанной штаниной, без тулупа, конечно, и без берданки, которая, это знали даже пацаны, не была заряжена...

Вечером, когда магазин закрывался на большущий замок и когда для местных пацанов было самое удобное время стащить очередной фанерный ящик, на своё дежурство вступал дядя Миша. Ушлые подростки начинали дразнить и отвлекать сторожа, тот левой рукой срывал с плеча берданку, матерясь и потрясая оружием, неловко ковылял за ними. А самые смелые, как наш Пашка, быстренько выхватывали из штабеля ящик и убегали по домам — разбирать его у кого-нибудь в ограде, чтобы родители не видели, выпиливать

из фанеры щит, крепить с обратной стороны ручку, из деревянных перекладин вырезать мечи. В тот злосчастный вечер, когда брат с Мишкой Фурсенко и Витькой Чумаковым воровали ящик, дядя Миша, пытаясь их догнать, споткнулся, разбил в кровь лицо и долго сам не мог подняться с земли, пока кто-то ему не помог. Видимо, терпение сторожа лопнуло...

Вот тогда-то и влетело Пашке за воровство. А потом и мама ему долго нотацию читала: какой дядя Миша герой войны, как он честно работает, сберегая народное добро, и как ему приходится отдавать деньги из собственного заработка за сворованные ящики...

— А дядей Мишей его у нас зовут не потому, что он с бородой, а потому что уважают: вон на День Победы пиджак надел — вся грудь в орденах и медалях. Не старый он, а раненый и больной. Да он нашего отца всего-то на пяток лет и постарше.

И самое главное, что тогда мне запомнилось,— мама сказала:

— Воровать, сынок,— смертный грех: Бог накажет!

Много лет спустя, когда уже и родители ушли в мир иной, мы с братом как-то вспоминали свой посёлок, любимую реку Пит, детство, старшего брата, младшую сестрёнку... И совсем неожиданно в середине этих тёплых воспоминаний у Павла вдруг вырвалось то, что, видимо, долго болело:

— Папка наш злой был, жестокий. Ты, наверное, не помнишь, как он меня избил за то, что взял без спросу от магазина ящик фанерный, чтобы щит и меч из него сделать. Мы же в детстве всё время в войну играли, по очереди были то фашистами, то красноармейцами.

Помнила я тот случай с воровством фанерных ящиков, а если и Павел помнит его всю жизнь, значит, папкин ремень оставил след не только на его спине и наказание пошло на пользу. Так ему и сказала. И добавила:

— А ты знал в детстве хоть кого-нибудь из тех немногих мужиков в посёлке, кто с войны инвалидом вернулся, добреньким и улыбчивым? Все они были какие-то хмурые. Не помнишь? Я вот до сих пор помню дядю Серёжу Титова с одной рукой; хромого дядю Мишу Лисичкина; Зиновьевича, что жил в избушке в устье речки Лендаха, без семьи,

одинокого, с костылём от колена вместо ноги; угрюмого Карпа Ивановича по кличке Кривошеий... Папка наш хоть с руками и на собственных ногах пришёл, но больной: более сорока лет в мешочке соду с собой носил, глушил желудочные боли. Ты же знаешь, инвалидность ему дали из-за язвы, заработанной на фронте. Врезал он тебе тогда, брат, не от злости, а от обиды и стыда за непутёвого, как он тогда считал, сына. Ты не держи обиды на отца, просто пойми его...

— А ты никогда не задумывалась, зачем в маленьком нашем посёлке, где каждый всё почти знает про всех, нужен был сторож с винтовкой у магазина, притом бывший фронтовик?

И мы вместе стали разбираться: зачем? Время было — середина пятидесятых. После смерти вождя была объявлена амнистия, под которую попали не только осуждённые по политическим статьям, пятьдесят восьмой, например, но и всякие уголовники — воры, убийцы, мародёры, карточные мошенники... Тогда к нам в посёлок привезли человек двадцать амнистированных, а то и больше, разместили их в мужском общежитии, куда поселяли холостых парней, приезжавших на Север за «длинным», как они считали, рублём. Ушлые зэки быстро освоились, нашли себе невест среди молодых и даже не очень вдов фронтовиков, на работу устраиваться не спешили... По вечерам они устраивали бесплатные концерты — пели блатные песни под гитару прямо у калитки или у ворот дома, где квартировали. Находились среди них смельчаки, которые под шумок влезали в магазин и крали продукты. Вот тогда и встала ребром проблема: нужен сторож. Занимался этим комендант Яков Иванович Яковлев — маленький и плюгавенький мужичок со злыми глазками. Вся детвора боялась коменданта, да и взрослые, пожалуй, тоже — учтиво здороваясь при встрече... Дядя Миша был самой подходящей кандидатурой. Воровство из магазина прекратилось, и не потому, что сторож надёжный,— уважали фронтовика даже зэки...

Воспоминания эти так нас растрогали, что мы какое-то время молчали, думая каждый о своём, а потом брат посмотрел мне в глаза и светло так улыбнулся:

— Да, ты права, тот папин солдатский ремень был прививкой от воровства. На всю жизнь!